

АЛЕКСАНДР БИРИХ

ТРИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТРИР, ГЕРМАНИЯ

bierich@uni-trier.de

ДИАЛЕКТЫ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ключевые слова: историческая фразеология, диалекты, фразеологическая семантика, этимология фразеологизмов

Keywords: historical phraseology, dialects, phraseological semantics, etymology of idioms

1. Историческое изучение фразеологии предполагает учёт всех имеющихся лингвистических фразеологических данных: материалов литературного языка, диалектов, профессиональных и субстандартных вариантов, языка фольклора и т.п. Особое внимание необходимо уделить при этом вариантам устойчивых оборотов в живой речи, прежде всего диалектной, так как именно они часто помогают реконструировать этимон фразеологизма. На это указывал ещё Н.И. Толстой в своём докладе *О реконструкции праславянской фразеологии* (1973: 277): „[...] необходимо отдать полное предпочтение материалу диалектному перед материалом литературным (современным и древним, зафиксированным памятниками)”.

Важность диалектов для исторического изучения фразеологии отмечал уже Б.А. Ларин, который считал, что именно в них следует искать корни славянской фразеологии (Ларин 1977: 149 и далее). С помощью диалектных, разговорных и нестандартных вариантов и синонимов фразеологических единиц можно реконструировать структурно-семантические модели и на их основе выявить первоначальный образ фразеологизмов (Мокиенко 1989: 49–95). Большую помощь в выполнении этой задачи окажет *Полный фразеологический словарь русских народных говоров*, подготавливаемый в Санкт-Петербургском университете под руководством проф. В.М. Мокиенко (Мокиенко 2011: 190–198; Мокиенко, Никитина 2018: 80–106). На материале этого словаря, вобравшего в себя народные выражения из большинства отечественных диалектных словарей и паремиологических собраний, уже выполнено несколько работ, связанных с образной мотивацией диалектных фразеологизмов (Никитина 2017: 71–75; Мокиенко 2018: 305–312 и др.). Важность

диалектного материала для расшифровки исходного первичного образа фразеологизма убедительно показали работы Е.Л. Березович и её учеников (Березович 2003: 165–177; Березович, Кучко 2017: 5–15 и др.). Только после тщательного изучения лингвистических данных можно использовать для обоснования этимологических гипотез экстралингвистические факты (такие, как исторические реалии, древние обычаи, суеверия, религиозные и мифологические представления, другими словами, всю материальную и духовную культуру народа).

2. Использование диалектных материалов в исторической фразеологии открывает много новых возможностей для историко-этимологического анализа фразеологизмов. Наиболее важными из них являются:

а) возможность реконструкции первоначальной семантики и структуры ФЕ и первичного образа (внутренней формы), лежащего в их основе. Покажем это на нескольких примерах:

Слово *копыл*, входящее в состав фразеологического оборота *с копылов (копыльев) долой*, имеет в русских диалектах несколько значений, в том числе и ‘короткий брусек между полозьями и коробом саней’, ‘сани’, ‘нога’ и т.д. Н.М. Шанский, В.И. Зимин и А.В. Филиппов связывают это выражение с первым значением:

Копыл – короткий брусек, вставляемый в полозья саней и служащий опорой для кузова. Сани, срывающиеся с копыльев, разваливаются (ОЭСРФ: 128).

Такая интерпретация первичного образа фразеологизма *с копылов долой* представляется сомнительной, поскольку разваливающийся кузов саней не объясняет возникновения значения этого выражения ‘умереть’.

Вторая гипотеза, выдвинутая В.М. Мокиенко, кажется более правдоподобной. Она также объясняет исходный смысл фразеологизма *с копылов (копыльев) долой* значением слова *копыл* ‘опора в виде бруска, соединяющего полозья саней с кузовом, верхней частью саней’. Выражение буквально значит ‘свалиться с верхней части саней’. Значение ‘умереть’ восходит к древним языческим ритуалам погребения на саях (независимо от того, когда — летом или зимой — были похороны), известным у восточных славян. Они отражены в др.-рус. *сѣдя на санѣх*, употреблённом в *Поучении* Владимира Мономаха (1117 г., Лаврентьевская летопись):

(1) „Сѣдя на санѣх, помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ деньъ грѣшнаго допровади” [букв.: „Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил”].

Ср. также бел. *глядзец на паповы сані* ‘собираться на тот свет, быть в предсмертном состоянии’ и рус. *на смертном одре* ‘при смерти, в состоянии, близком к смерти’, где *одр* (др.-рус. *одръ, одерь*) — ‘погребальные носилки, кузов телеги’, ‘дороги с настилом, волокуша’. Приведённые выражения моделируют тот же образ, что и др.-рус. *сѣдя на санѣх*, которое было ещё актуально в XIII в.

Эта же метафора объясняет выражение *с копыльев (с копылов) долой*, ритуально-символический смысл которой — ‘снять с саней, понести покойника на кладбище’. Забвение ритуала и незнание диалектного слова *копыл* (как и обозначаемой им реалии) привели к речевой паронимической трансформации — замене слова *копыл* на более понятное *копыто*. Это „переосмысление” постепенно закрепилось как языковой факт под влиянием другой фразеологической модели — *протянуть ноги, откинуть копыта, отбросить коньки* и т.п., что и привело к искажению исходной образности фразеологизма (Мокиенко 1999: 34–35; БМС: 339–340).

Анализ диалектных материалов заставляет усомниться и в этой этимологии. *Копыл* в значении ‘сани’ редко используется в русских диалектах. В словаре Даля и в *Словаре русских народных языков* (СРНГ) это значение отмечается только для диалектов в Архангельском регионе (Д II: 406; СРНГ XIV: 300). Значительно больше примеров приведено для слова *копыл* в значении ‘нога’, ср.: – Дал ему одну плюху, а он скоряя уж и с копыльев долой!; – Как дам, что слетишь с копылков. То же значение проявляется и во фразеологизме *сшибать с копыльев* ‘кого-л. сбить с ног’: Ямщина да прасолы мастеровщину с копыльев сшибают (Сказы Бажова) (СРНГ XIV: 300–301). Характерно, что в русском языке XVIII в. отмечается и фразеологизм *с ног долой*:

(2) Несколько сот бочек с винами стоят издревле. Меня подчивали... и я от двух рюмок чуть не с *ног долой* (Фонвизин, Письма); В сраженьи нет уже пощады никакой, И всякий гражданин валится с *ног долой* (Чулков, Стихи на качели).

Кроме *с копылов долой*, в русском языке есть и другие обороты со значением ‘умереть’, которые содержат ту же структуру и тот же образ: *с копыт (копытков) долой, с катушек долой, с коньков долой*. Во всех этих фразеологизмах компоненты *копыта, катушки, коньки* означают ‘ноги’ в переносном смысле. Поэтому буквальное значение этих оборотов также ‘упасть’. Поскольку выражение *с копылов долой* идентично вышеупомянутому фразеологизмам как по структуре, так и по семантике, представляется логичным также связать компонент *копыл* со значением ‘нога’. Семантическая связь „падать → умереть” представляется очевидной.

Устаревший фразеологизм *на свою руку охулки не положит кто* ‘кто-л. не упустит своей выгоды’ содержит существительное *охулка*, которое сегодня неизвестно носителям языка. Обращение к диалектному материалу (Д П: 2012; СРНГ XXV: 55) позволяет выяснить первичное значение этого слова ‘порицание, осуждение’, отмеченное в псковских, рязанских, смоленских и других говорах. Первоначально выражение *охулки на руки не положит кто* употреблялось, по-видимому, по отношению к хорошему мастеру, который не позволит себе выполнить плохую работу. Фразеологизм широко употреблялся в XVIII и XIX в., однако в конце XIX в. он уже вышел из употребления, ср.:

(3) Если между твоими крепостными найдутся такие, коих нравы исправлять надо, то присылай ко мне; а я *на свою руку охулки не положу* (Фонвизин, Друг честных людей, или Стародум); [Фадей:] Положись ста на меня: уж я *на свою руку охулки не положу* (Княжнин, Сбитенщик); Он *на свою руку охулки не положит*, т.е. не доведёт себя до порицания (САР² IV: 736).

В современном русском языке лексема *порох* имеет только одно значение – ‘взрывчатое вещество’, которое было распространено уже в XVIII в. Ср. такие фразеологизмы, как: *вспыхнуть как порох* ‘о вспыльчивом человеке’, *пороху не выдумает кто* ‘о человеке, не отличающемся сообразительностью’ и т.п., которые основаны на этом значении. В русском языке XVIII в., однако, встречается ещё несколько оборотов, которые не могут быть объяснены приведённым значением. Ср.: *ни синей порох* ‘о полном отсутствии чего-л.’, *один как [синей] порох в глазе кто у кого* ‘о ком-л. очень близком и дорогом, единственном’, *беречь как порох в глазе кого* ‘заботливо, бдительно охранять, оберегать кого-л.’. *Словарь русских народных говоров* и *Словарь Российской Академии* (САР¹) приводят под словом *порох* следующую информацию, которая даёт более ясное представление о ранней семантике этого слова: **Порох**, м. 1. Пыль, сор... 2. Соринка, попавшая в глаз (СРНГ XXX: 83); ПОРОХЪ ... 1) Пыль; мѣлкая высохшая земля. ... *Порохъ въ глазъ попалъ* (САР¹ IV, 999). Этому объяснению хорошо соответствует первый фразеологизм *ни синей порох* ‘о полном отсутствии чего-л.’, изначально: ‘нет даже черной (тёмной) пыли (пылинки)’. Характерно, что и прилагательное *синий* в этом выражении сохранило своё архаичное значение ‘черный, тёмный’ (Толстой 1973: 286; Иванова 1974: 288). Ср., например, следующие контексты:

(4) Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее *ни синей порох* даром не пропадет (Новиков, Живописец); Во всю жизнь мою не видывал я такого негодного ребенка, каков

был этот до бесконечности изнеженный и избалованный мальчишка, в котором не находил я *ни синя пороха* доброго! (Болотов, Записки) и.а.

Более сложной является, однако, образная мотивация фразеологических оборотов *один как [синей] порох в глазу кто у кого* ‘о ком-л. очень близком и дорогом, единственном’ и *беречь как порох в глазу кого* ‘заботливо, бдительно охранять, оберегать кого-л.’. М.И. Михельсон попытался объяснить её следующим образом: „что досаждаёт, озабочивает, за чем следишь заботливо, – дорогое” (Михельсон 1902, 1: 404). Эта интерпретация имеет определённую логику, особенно если учесть диалектное сравнение *как порох в глазу* ‘досаждаёт’, отмеченное В.И. Далем (Д III: 837). Нельзя, однако, исключить возможности того, что эти два выражения были созданы под влиянием других структурно- и семантически идентичных фразеологизмов. Ср.: *один как глаз во лбу, беречь как глаза (очи), беречь как зеницу ока* (зеница ‘зрачок’). Образная основа приведённых выражений позволяет истолковать ‘частицу черной пыли в глазу, которая находится в одиночестве или нуждается в защите’ (*один как [синей] порох в глазу, беречь как порох в глазу*) как ‘зрачок в глазу’.

Диалектные и исторические материалы позволяют также объяснить образную основу значительного числа русских фразеологизмов с компонентом *живот*: *кончить (окончить, скончать, потерять) живот* ‘умереть’, *положить живот за кого* ‘умереть, погибнуть (обычно в бою) за кого-л., что-л.’, *в животе нет кого* ‘нет в живых кого-л.’, *отнять живот чей* ‘убить, лишить жизни кого-л.’, *лишить живота кого* ‘убить, лишить жизни кого-л.’, *не на живот, а на смерть* ‘не щадя жизни (бороться, сражаться)’ и др. Во всех этих оборотах компонент *живот* имеет значение ‘жизнь’, которое в современном русском языке устарело, но хорошо известно в диалектах, ср.: *разлучить с животом* ‘убить, лишить жизни кого-л.’, *до своего живота* ‘до конца своей жизни’, *живота не надышу* ‘нерадостна жизнь’, *посылать по живот* ‘давать жизнь’ (СРНГ IX: 157). Приведённые устойчивые словосочетания широко употреблялись и в русском языке XVIII–XIX в., ср.:

(5) А бедная свекровь моя так простудилась от этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и через два месяца *живот* свой *окончила* (Долгорукая, Записки); Не успел я, севши в свою коляску, со двора съехать, как и пошли в голове у меня мысли за мыслями и наконец такая дрянь, что я и *животу* своему почти *не рад* был (Болотов, Записки).

б) возможность показать различные изменения в структурно-семантической организации фразеологизмов. Так, особенностью русских фразеологических единиц ранних языковых эпох является более широкая вариантность, чем сегодня, что было связано с проникновением разговорных и диалектных

элементов в язык. Фразеологизм *ни рыба ни мясо* употреблялся, например, в языке XVIII в. в двух вариантах: *ни рак ни рыба* и *ни рыба ни мясо*. Ср.:

(6) [Сторож:] Меня бросила и полюбила другого. Я и остался *ни рак ни рыба* (Нехачин, Неудачливый в любви подьячий); [Чужехват:] А ты, мой друг, ни то ни се, *ни рыба ни мясо* (Сумароков, Опекун).

Сегодня архаичный вариант *ни рак ни рыба*, отмеченный в словаре В.И. Даля (Д III: 1586), имеет, однако, более древнее происхождение, о чем свидетельствует тот факт, что и в некоторых других славянских языках этот оборот отмечен именно с компонентом *рак*. Ср.: чешск. *nebýt ani ryba, ani rak*; словац. *ani ryba, ani rak*; болг. *ни риба, ни рак*.

в) возможность выявления диалектных фразеологизмов в различные периоды развития языка. Так, например, значительная часть устойчивых словосочетаний XVIII в. восходит к диалектам. Установить диалектный характер фразеологизмов довольно трудно, однако данные *Словаря Академии Российской* (1789–1794), диалектных словарей XIX в. (*Опыт областного словаря великорусского наречия* – 1852; *Дополнение к Опыту областного словаря великорусского наречия* – 1858), *Толкового словаря живого великорусского языка* В.И. Даля и *Словаря русских народных говоров* все же позволяют это сделать. К устойчивым сравнениям диалектного происхождения можно отнести, например, выражения *стоять как попест*, *охать как попест*, поскольку они уже не употребляются в литературном языке XIX в. и отмечаются лишь в диалектах¹. В произведениях XVIII в. они встречаются довольно часто, что объясняется сильным влиянием диалектов на литературный язык этого периода. Ср.:

(7) [Скопидомова:] Пгишол, давича, мой батька, к тебе из гатуши подъячей, а она тут же *стоит, как попест*, и не уйдет (Подражатель); [Филат:] А мне так бедняку. Горюхе, батраку, Уж не осталось чово топерь и баять, Как только горевать да *охать как попесту* (Попов, Анюта).

Диалектный характер компонента отмечен и у выражения *табалу бить* ‘бездельничать’, которое зафиксировано в *Словаре Академии Российской* (САР² VI: 654) и уже там классифицируется как ‘простонародное’. Фразеологизм характеризуется, прежде всего, компонентом *табала*, который Р. Еккерт связывает с литовск. *lit. tābalas* ‘деревянная чурка’ (Eckert 1994: 15–21). По своей структуре и семантике фразеологизм хорошо вписывается в модель ‘бить + деревянные чурки и т.д.’ = ‘бездельничать’, которую определил

¹ „Попест... Лентяй. Кур.” (Опыт обл. слов. 1852: 170); „Попест. Кур. Увалень, лентяй, шалун” (Д III: 779).

В.М. Мокиенко, ср.: *бить баклуши*, *бить шабалу* и т.д. (Мокиенко 1989: 78 и след.). В русском языке XVIII в. выражение *табалу бить* было заимствовано из диалектов. Его диалектный характер привёл к тому, что он все меньше и меньше использовался в процессе стандартизации русского языка и уже во второй половине XIX в. встречался только в диалектах. Ср. также данные в словаре В.И. Даля (Д IV: 706). В источниках XVIII в. это выражение отмечается довольно часто, ср:

(8) Никто не находил меня никогда сидевшим праздно или, по пословице говоря, *бьющим табалу* и ходящим без дела в канцелярию (Болотов, Записки) и.а.

Выражение *дать зорю кому* ‘бить, наказывать побоями кого-л’ также восходит к диалектам. Его первоначальная мотивация до сих пор чётко не прослежена. М.И. Михельсон связывает этот оборот с игрой „зоренька”, в которой один игрок ловит других, а затем „бьёт” их витым полотенцем (жгутом) (Михельсон 1902, I: 315). Однако связь между выражением и игрой кажется мне второстепенной. В *Словаре Академии Российской* (САР) и в словаре В.И. Даля есть ещё два выражения, близких к фразеологизму *дать зорю*, а именно: *Войти в зари*, *простонар*. Разгорячиться от досады, притти в сердце (САР² III: 19) и *Зари взяли кого, приводить в зари*. Зарить, распалать, поджигать (Д I: 1566). Поскольку *зоря* является диалектным эквивалентом *зари*, можно предположить, что выражение *дать зорю* изначально означало ‘дать жару’. Структурно-семантическая модель „нагреть кого-л.” = ‘избить’ часто встречается в русской фразеологии, ср. *дать жару*, *пару*, *баню*, *зною* и др. Использование выражения *дать зорю* ограничивается преимущественно XVIII в.; в XIX в. оно зафиксировано только в диалектах (Д I: 1567). Ср.:

(9) [Простакова:] Теперь-то *дам я зорю* канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее [Софью] выпустил (Фонвизин, Недоросль).

3. Сделанные наблюдения показывают важность диалектных материалов при историческом исследовании фразеологического состава языка. Для получения достоверных результатов необходимо прежде всего создание исчерпывающей базы данных, включающей в себя помимо диалектных оборотов фразеологические факты из различных языковых эпох. Этимологию и историческое развитие фразеологизмов можно исследовать только путём изучения их вариантов из старых языковых периодов, синонимических и антонимических групп, устойчивых словосочетаний с теми же компонентами в диалектах, в фольклоре и в родственных и неродственных языках. Особую роль играют при этом варианты, позволяющие реконструировать первичный

образ на основе структурно-семантических моделей. Большое значение для возникновения многих фразеологических оборотов имеют также экстралингвистические факты, так как фразеологизмы могут отражать многовековые явления материальной и духовной культуры народа. К сожалению, не всегда можно проследить историю фразеологической единицы во всех языковых эпохах, часто приходится довольствоваться гипотезами, которые кажутся относительно правдоподобными.

SUMMARY

DIALECTS AS A SOURCE OF HISTORICAL RUSSIAN PHRASEOLOGY

A historical study of phraseologisms first requires taking into account all linguistic facts from the standard language, dialects, the language of folklore and professional as well as special languages. Its dialects are to be regarded as important linguistic material because, as B.A. Larin notes, the roots of Russian phraseology are to be sought in them. The dialectal material can thus in many respects complete missing historical information. Many dialects contain outdated phraseological variants, lexemes or meanings which can be revealing for the etymology of a phraseologism. Through the analysis of several examples this essay shows the possibilities that dialectal material offers for the historical etymological research of the phraseology of the Russian language.